

Глава 9: Напугаем его!

Сейчас, когда стемнело, Шэнь Цзицзе не увидел Шэнь Яня, поэтому он спросил дедушку Цая: “Дедушка, где мой маленький дядя?”

“Поскольку ты спал, твой маленький дядя не хотел тебя будить. Сегодня ночью спи с Жун-Жуном, а завтра он придет за тобой, хорошо?” Дедушка Цай объяснил это теплым голосом.

“Дедушка, я не хочу с ним спать, это наш дом, скажи ему, чтобы он уходил!” Прежде чем Шэнь Цзицзе успел ответить, Лу Жун повис на шее дедушки Цая, лицом к лицу, раздраженно извиваясь.

На нем была только пара штанов, его белое и мягкое маленькое тело извивалось, как шелкопряд.

Шэнь Цзицзе думал, что у него больше мужества, в отличие от Лу Жуна, потому что он был старше и его больше не баловали так родители. Теперь, когда он увидел, что Лу Жун использует такую тактику, чтобы прогнать его, он почувствовал сильное отвращение, презрение и гнев.

“Дедушка, я тоже не хочу с ним спать. Я лучше пойду к своему маленькому дяде.” Он закончил жестким тоном, а затем сурово попытался надеть ботинки.

Дедушка Цай снял руку Лу Жуна со своей шеи и надел ему через голову нижнюю рубашку, сказав себе под нос: “Брат - гость, больше никаких подобных слов”.

Шэнь Цзицзе нашел свои кроссовки и надел их, и прежде чем он успел дойти до двери, дедушка Цай потянул его за руку: “Сяо Цзе, твой дядя вернулся на стройку, а на улице темно, идти по горной дороге непросто”.

“Все в порядке, просто скажите мне в каком направлении идти, дедушка”.

Дедушка Цай сделал испуганное лицо и продолжал махать рукой: “Это невозможно, ночью на улице много диких животных, диких кабанов, цветочных братьев (извращенцев). Они все вышли и ведут себя очень жестоко! Дедушка не посмел бы тебя отпустить.”

Шэнь Цзицзе выглянул в окно и смог увидеть только освещенную огнями часть деревни, а далекие горы и леса вырисовывались высокими силуэтами в лунном свете, полными неизвестных опасностей. Он больше не настаивал на том, чтобы уйти, а стоял неподвижно, вытянув шею, чтобы выглядывать в окно.

Лу Жун стоял у кровати, не издавая ни звука, и, прищурившись, смотрел на мальчика.

Дедушка Цай обернулся и молча сделал ему приглашающий жест, и он поспешно изобразил умоляющее лицо. Дедушка Цай кивнул ему, подняв палец в воздух, и снова опустил руку.

“Пойдем. Ты устал за сегодняшний день, верно? Позволь дедушке отвести тебя принять ванну, помыться и хорошенько выспаться.” Дедушка Цай подошел, чтобы взять Шэнь Цзицзе за руку.

Шэнь Цзицзе дважды притворился, что сопротивляется, но не использовал много сил, поэтому он так и не вырвался. Он неохотно последовал за дедушкой Цаем в душ. Он не стал бы стоять во дворе, чтобы прогуляться со своей птичкой, как Лу Жун, а пошел бы в ванную рядом с кухней, чтобы умыться.

Ванная комната была небольшой и простой, только стены были покрыты слоем бетона, а с потолка свисала пожелтевшая лампочка. Высоко на стене висело большое самодельное железное ведро, проводка которого была подсоединена к маленькому электрическому выключателю на двери, а кран торчал в бочке.

Дедушка Цай сказал: “Вода уже горячая. Поверни вентиль, и ты сможете помыться. Твой дядя оставил здесь твою сумку с одеждой, так что я схожу за твоими штанами.”

“Черный комплект с короткими рукавами — это моя пижама”.

“Хорошо, дедушка достанет их для тебя”.

Когда дедушка Цай принес одежду, Шэнь Цзицзе начал раздеваться, чтобы принять душ. Смеситель не был, как у обычных душей, и Шэнь Цзицзе осмелился включить лишь небольшую струю воды, опасаясь быстро потратить все ведро, но было лето, и хоть потока воды было не так много, холод все равно не чувствовался.

Ночь в сельской местности была очень тихой, не было слышно ни звука присутствия других людей. И без того тусклый свет был затуманен водой, и все стало еще более размытым.

Шэнь Цзицзе был один в этой маленькой ванной комнате, слушая протяжный вой какого-то зверя вдалеке, и ему было немного страшно. Он быстро ополоснулся водой, схватил мыло, беспорядочно намазал им свое тело и начал сожалеть о том, что приехал в деревню.

Если бы он не поехал вместе со своим дядей, он бы сейчас смотрел телевизор. Или небрежно бы солгал о чем-то и пошел в интернет-кафе дальше по улице, чтобы поиграть в CS, вместо того чтобы стоять здесь в душе ни с чем, а какой-то маленький ребенок пытается выгнать его отсюда.

Снаружи дул ветер, и в горных лесах раздавалось жалобное эхо. Звук сосен, раскачивающихся в тихой ночи, донесся до ушей Шэнь Цзицзе, необычайно мрачный и жуткий.

Как только возникла мысль о страхе, ее уже нельзя было контролировать. Он быстро закончил принимать душ, сопротивляясь желанию бежать прямо в дом с голой задницей, и оделся перед выходом.

Ведро с горячей водой, которого, как он боялся, будет недостаточно, не было использовано даже наполовину.

В доме дедушка Цай почесывал за ухом Лу Жуна, глаза которого были закрыты, ресницы трепетали, а рот двигался, чтобы втянуть воздух.

Он выглядел так, будто вот-вот заснет.

Шэнь Цзе, одетый в огромные пластмассовые тапочки, разбудил Лу Жуна звуком своих хрустящих шагов.

Дедушка Цай неохотно убрал руку и спросил вбежавшего Шэнь Цзице: “Сяо Цзе закончил мыться?”

“Я закончил”. Шэнь Цзе стоял в дверях в состоянии шока.

“Иди в постель раз закончил”. Дедушка Цай увидел, что он не двигается, и понял, что они с Лу Жуном, похоже, не очень хорошо ладят, поэтому он сказал: “Почему бы тебе не пойти в мою маленькую комнату и не поспать там? Я буду спать с Жун-Жуном.”

Шэнь Цзице посмотрел на Лу Жуна, который уже перекатился и встал, и сухо сказал: “Я буду спать здесь, все в порядке”.

Спать в одиночестве? Это слишком страшно, нет, нет.

“Хорошо, тогда вы, ребята, ложитесь спать, но никаких подлых розыгрышей”. Дедушка Цай зажег поднос с благовониями от комаров и поставил его на пол, затем нанес лосьон из цветов на открытые руки и ноги Лу Жуна вне нижней рубашки и штанов.

“Дедушка, я не хочу это наносить”, - сказал Шэнь Цзице.

Дедушка Цай: “Это для защиты от комаров”.

Шэнь Цзице: “Мне не нравится этот запах”.

“Он любит плохо пахнуть”. - вмешался Лу Жун с невинным выражением лица, но его глаза закатывались, и он увидел, что у него плохое настроение.

Шэнь Цзицзе опустил глаза и притворился, что не слышал этого.

Дедушка Цай сказал: “Хорошо, если ты не хочешь наносить это, ты и не будешь этого делать. Во всяком случае, я также зажег благовония от комаров.”

Оставив свет в комнате включенным, дедушка Цай несколько раз велел им накрыться одеялом, затем закрыл дверь и пошел в свою спальню.

Лу Жун заметил, что Шэнь Цзицзе был готов лечь спать, поэтому поспешно отодвинулся в сторону, чтобы загородить край кровати. Шэнь Цзицзе, не глядя на него, подошел к краю кровати и забрался на него, Лу Жун снова метнулся к краю кровати.

“Это моя кровать”. Лу Жун боялся, что дедушка Цай услышит его из-за чего голос был негромким, но он сделал свирепое лицо.

“Я как раз собирался уходить, но твой дедушка сказал мне остаться здесь”. Шэнь Цзицзе опустил веки, и в его голосе было мало эмоций.

“Мне все равно. Все, что я знаю, это то, что это моя кровать, и я не разрешал тебе здесь спать.”

Шэнь Цзицзе посмотрел на него сверху вниз: “Ты думаешь, мне не все равно?”

“Если тебе все равно, уходи отсюда”. Лу Жун склонил голову набок и сказал.

Шэнь Цзицзе некоторое время смотрел на него, затем схватил подушку с кровати и направился к двери: “Кровать твоя, я пойду лягу на диване”.

Лу Жун посмотрел на его спину, мгновенно ослабил бдительность и, удовлетворенный, пополз к кровати. Но в этот момент Шэнь Цзицзе быстро развернулся и бросился обратно, полетел на кровать, а затем лег внутри.

Лу Жун потерял свою позицию в момент беспечности и поспешно протянул руку, чтобы толкнуть его: “Ты жульничаешь! Ты жульничаешь!”

Шэнь Цзицзе притворился, что не слышит его, только закрыл глаза, его тело прижалось к матрасу, а руки потянули за край. Он даже напряг каждый палец ноги, плотно вдавливаясь в мат.

Лу Жун несколько раз безуспешно толкнул его, затем некоторое время раздраженно смотрел на его лицо, наконец обиженно сдался и лег на край кровати.

Шэнь Цзицзе воспользовался тем, что он лег, и моментально подскочил, натянул одеяло на себя, перекатился и нашел удобное положение.

Лу Жун потянулся, чтобы забрать одеяло обратно, но не смог, поэтому ему пришлось использовать оставшуюся часть покрывала.

Шэнь Цзицзе втайне подумал: `Этот бледный толстый ребенок не должен говорить о морали Цзянху (1). Ему все равно не нужно держать лицо, так что я тоже не буду этого делать.`

(Цзянху — идеология скитаний из суетливой жизни в бродячий образ)

Они вдвоем были не в том положении, чтобы повернуть время вспять, когда был день, где они так долго находились на солнце, а Шэнь Цзицзе так и не съел эскимо.

Двое детей не обращали внимания друг на друга, каждый смотрел в свою сторону. Им, казалось, было все равно, но они очень молчаливо понимали, что кровать разделена на две части; каждый занимал свою половину, их рубашки друг против друга были центральной осью.

Ни один из них не позволил бы другому пересечь границу. Когда один двигался, другой отодвигался. Эти двое не разговаривали, казалось бы, оба, спали, но на деле они наблюдали друг за другом в тайном перетягивании каната.

Теперь Шэнь Цзицзе больше не боялся, его единственное внимание было сосредоточено на охране своей территории.

Тело, прижавшееся к его спине, было маленьким и мягким, как у маленького животного, и источало хороший, приятный запах.

Но он - определенно не был мягкосердечным!

Ни один из парней не знал, сколько времени прошло, но оба они заснули как в тумане.

Лу Жун крепко спал, и во сне что-то чувствовал, он не мог описать это, но мог ощутить. После мозгового штурма он резко открыл глаза. Как и много раз до этой ночи, он оказывался не в своей постели, а в незнакомом ему месте.

Он был довольно хорошо знаком с происходящим, чтобы понять, что снова видит сон. Хотя дядя Бай больше никогда не появлялся в его сне, его запах был повсюду: сильный, безопасный и успокаивающий.

Он каждый раз был готов найти прорез, когда он входил в мир сновидений, он мог проснуться, только если найдет его. Это был густой лес, звездный свет проникал сквозь ветви и листья, и

слабый туман плавал в лесу, как дым и пелена, клубясь вокруг.

Лу Жун быстро исчез, и на его месте появился белый, слегка округлый олень.

На четырех копытах олененка были красные линии, похожие на цветок в полном цвету, извивающиеся вверх и исчезающие в белоснежной шерсти у основания бедер. У него была пара красивых темных глаз, наполненных водянистым светом. Два маленьких серебристых бугорка рядом с ухом на макушке выросли более чем на два дюйма (3), маленькие панты (4), похожие на слой серебряной пыли, мерцающий в свете звезд.

(5,08 см. Панты — только растущие рога. На английском было что-то похожее на порез, но для нас это звучит не очень, поэтому я использовала термин, чтобы было понятно, что имеется в виду)

Олень повернулся на месте и несколько раз подпрыгнул, шевеля белым хвостом. Он потрусил вперед, а затем остановился, его маленький черный нос, похожий на виноградину, обнюхивал невысокое дерево. Затем он открыл рот, его розовый язык перекатился, и в его рту появился кусочек листика.

Лу Жун уже давно не видел снов, поэтому он не превращался в оленя и не бегал вокруг в реальной жизни, в конце концов, он следовал указаниям дяди Бая и Ван Ту, никогда не превращаться в оленя на глазах у людей.

Шэнь Цзицзе почувствовал холод во сне и сон стал не таким спокойным. Он почувствовал холод под своим телом, поэтому сомкнул глаза и пошарил вокруг себя, пытаясь найти одеяло, чтобы накрыться им.

Схватив горсть туманной зелени, он, наконец, понял, что что-то не так, открыл глаза и огляделся, его сонливость пропала.

Разве он не спал в постели? Что это было за место?

Шэнь Цзицзе поднялся, стоя босиком в лесу, растерянно оглядываясь по сторонам и постоянно пытаясь вспомнить то время, когда он еще не заснул.

Последнее, что он помнил, было то, что Лу Жун заснул и повернулся к нему, прижавшись ртом к его шее, мурлыкая, как кошка, и положив свои пухлые ноги ему на живот.

Ноги были не длинными, но очень твердыми и тяжелыми, Шэнь Цзицзе несколько раз опускал их вниз, но они настойчиво поднимались обратно, так что он, наконец, сдался и закрыл глаза.

В конце концов, он был слишком сонным.

Но почему он появился в лесу, когда отлично спал в кровати?

Шэнь Цзицзе убедился, что его память не подводит, и постепенно начал злиться.

— Ребенок, должно быть, притворился спящим и тихонько потащил его в лес, когда он заснул.

Он собирался рассказать дедушке Цаю, когда тот вернется, и он собирался рассказать своему дяде, чтобы маленький засранец получил хорошую взбучку. Шэнь Цзицзе начал искать выход, но, к счастью, несмотря на то что была ночь, чаща леса не был в кромешной тьме, так что видимость была четкой.

На нем все еще были те же шорты и футболка с короткими рукавами, в которых он заснул, и его ноги были обнажены. К счастью, его ступни были мягкими, покрытые толстым слоем опавших листьев, но не пострадавшие.

Порыв ветра пронесся по деревьям, листья закружились, а свет был размытым, когда он вспомнил, что дедушка Цай сказал о диком кабане и цветочном брате, и постепенно начал паниковать. Он не знал точно, что такое цветочный брат, но это не должно было быть чем-то хорошим.

В отдалении лес был в тени, и каждое движение вызывало у него настороженность, что вот-вот появится дикий кабан или странный на вид цветочный брат.

Шэнь Цзицзе хотел закричать, но лес был слишком велик, и он чувствовал, что крик не только не поможет ему выбраться, но и может привлечь других существ. Он просто плотно закрыл рот, только чтобы выявить какие-нибудь звуки в направлении, прямо перед собой.

Лу Жун радостно бегал вокруг, мокрый в журчащем ручье с круговыми узорами, вдыхая характерный запах леса и легко прыгая среди высоких деревьев. Зеленые листья в звездном свете выглядели как слой золотой пыли, и выглядели они восхитительно.

Правильно и очень вкусными.

Свежие и хрустящие, с ароматом, от которого у него текут слюнки.

Он бежал и жевал всю дорогу, намеренно не ища прорез, чтобы выйти, а вместо этого счастливо блуждал вокруг.

Лу Жун обычно не ел листья, и только после превращения в оленя эти листья выглядели вкусными, точно так же, как когда он видел конфеты и фруктовое мороженое, а также спрятанное сливовое вино своего дедушки.

Его рот мгновенно наполнился слюной, а кровоток ускорился. Он бегал и ел одновременно, распугивая птиц в лесу и головокружительно устремляясь к небу.

Пока он бежал, в поле его зрения появилось нечто, чего не должно было появиться; человек? Он в шоке затормозил копытами и сделал два шага вперед, чтобы стабилизировать себя.

Справа от него в просвете леса виднелась фигура, но он не видел ее спереди, только маленький кусочек спины в черном. Лу Жун никогда не встречал никого другого в мире сновидений, поэтому он был потрясен, в то же время его сердце заколотилось, а во рту пересохло.

Это был дядя Бай? Или это был Ван Ту?

Он последовал за ним легче перебирая копытами, медленно приближаясь, его два маленьких заостренных уха нервно приподнялись и подергивались. Маленькие копытца приземлялись на толстые опавшие листья, тихо и бесшумно, лишь изредка задевая ветви и издавая легкий шорох.

Человек шагал к середине между двух деревьев, затем остановился, чтобы оглянуться. При свете звезд Лу Жун сразу же увидел его лицо. Сегодня к нему пришел не дядя Бай или Ван Ту, а Шэнь Цзицзе.

Сердце Лу Жуна наполнилось разочарованием, и оба его уха опустились. Он стоял за большим деревом и увидел, что Шэнь Цзицзе смотрит в его сторону с испуганным лицом, затем повернулся и побежал вперед, очень быстро, как будто что-то преследовало его сзади.

Сердце Лу Жуна дрогнуло, когда его два опущенных уха снова медленно приподнялись.

Он не думал о том, почему Шэнь Цзицзе тоже был в его сне, но он однозначно казался напуганным.

Что, если...

Я снова напугал его!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326838>